

Записки из жизни геолога

(Отрывки из книги)

Ю. Т. СУХОРУКОВ

Юрий Трофимович Сухоруков – автор книги воспоминаний «Записки из жизни геолога» (Москва: Полиграф сервис, 2011 г.), фрагмент из которой публикуется ниже. В 1946 г. Юрий Трофимович переехал с семьей из Москвы в секретный город Арзамас-16 (теперь Саров). В 1951 г. после окончания школы поступил в Институт востоковедения на отделение китайского языка. После ликвидации института в 1954 г. продолжил учебу в Институте цветных металлов и золота на геолого-разведывательном факультете. Окончив институт, в 1960 г. получил направление в Якутию, где работал до 1969 г. Затем – в ряде стран Африки, латинской Америки, в Китае. В работе помогали знания языков (английского, китайского), полученные в период учебы в Институте востоковедения.

Кандидат геолого-минералогических наук, ученый секретарь Советского (Российского) комитета по международной программе «Литосфера» с 1981 по 1997 г. Много занимался переводами научной литературы – книг, статей. В настоящее время живет в Москве.

Упомянутый в «Записках...» брат автора – Альберт Трофимович Сухоруков, почетный ветеран РФЯЦ-ВНИИЭФ, мастер спорта СССР по альпинизму, – сейчас проживает в Сарове.

Вид на единственную школу поселка

Первомайская демонстрация, 1942 г.

Арзамас-16. Школа. В Арзамас-16, или Саров, обитель святого отшельника Серафима Саровского, мы прилетели зимой в 1946 г. на американском самолете «Дуглас». В то время Арзамас-16 представлял собой небольшой поселок и охраняемую зону. Население – коренные жители (горьковчане и мордва), заключенные и приезжие: ученые, инженеры и рабочие. Мой отец стал работать главным бухгалтером поликлиники, а мать – закройщицей в ателье одежды.

В первое морозное воскресенье мы с отцом пошли осматривать поселок и зашли на базар. У прилавка две дамы в дорогих меховых шубах и модных зимних шляпах покупали молоко у бойкой краснощекой мордовки, одетой в овчинную шубу и обутой в лапти – ну прямо сюжет картины передвижников XIX века!

Я продолжил учебу в 6 классе единственной школы поселка. Ученики – дети приезжих и местных жителей. Уровни знаний и общего развития были различны. Местные ребята говорили на очень специфичном наречии: «Мы цай знам про Кремель, Красну площадь и цаво другое в Москве!». Но к десятому классу эта разница стерлась. Местные ребята вполне освоили московский выговор, и многие стали студентами столичных вузов. Первый, кто получил Ленинскую премию за изобретение, был ученик нашей школы Вася Жогин, коренной житель Сарова.

Аккордеонист Володя Шахов. В то время в поселке еще не было музыкальной школы. Но

зато в нашем классе был аккордеонист Володя Шахов. Он сочинял стихи и, не зная нот, прекрасно играл на аккордеоне на слух. Мы подружились и хорошо дополняли друг друга. Я научился у него «ловить» мелодии на слух, а он проигрывал мелодии, которые я разучивал по нотам.

В то время еще не было магнитофонов, и аккордеонисты пользовались большой популярностью. Володю и меня часто приглашали играть на свадьбах, днях рождения и праздниках. Естественно, музыкантов всегда щедро угощали и охотно наливали в бокалы «зеленого змея». Я с удовольствием принимал участие в общем веселье, но эта российская традиция: «Ты меня уважаешь? Пей до дна!» не привела меня к пагубной тяге к спиртному. Мои родители и прежние поколения предков не были пьющими. Мы с братом с детства подружились со спортом, и нас никогда не тянуло к выпивке. Володя пользовался большой популярностью в городе как аккордеонист и поэт, но, к сожалению, он не выдержал испытания на прочность и пристрастился к спиртному. По своим разносторонним способностям и таланту он мог многого добиться в жизни, но, к сожалению, рано умер.

Сила искусства. Участвовать в школьной самодеятельности оказалось гораздо интереснее, чем аккомпанировать подвыпившим гостям на свадьбах и праздниках. Я был постоянно востребован как аккордеонист. В 1948 г. меня приняли на работу в качестве аккордеониста в пионерлагерь на летний период. В то время песни военных лет были не только любимы и популярны – они были незабвенной памятью совсем недавних героических и трагических событий. Я любил исполнять мелодии этих песен. Как-то в пионерлагере летним вечером я в палатке с удовольствием играл эти мелодии просто так, для

Парк им. Зернова. Шахматный павильон, 1950-е гг.

себя, не для публики. И вдруг, когда замолкли звуки песни «Эх, дороги, пыль да туман», позади палатки послышались рыдания. Я вышел из палатки узнать, что случилось. Две женщины, у которых погибли мужья на фронте, сидели, обнявшись, на лавочке и навзрыд плакали. Так сильно они были растроганы мелодией этой замечательной песни! Я был смущен, а они меня сердечно обнимали за душевное исполнение. Тогда я впервые понял, что музыка может не только веселить и развлекать, но и вызывать очень сильные и глубокие чувства.

Переросток. Музыкальную школу в городе открыли, когда я был учеником 9 класса. Я пришел поступать в эту школу с полной уверенностью, что меня примут, учитывая мою популярность в городе. Но меня не приняли, даже не стали прослушивать! Сказали, что я переросток, преподавателей мало, а родителей, жаждущих, чтобы их дети «играли на фортепьянах», было сверх меры много. Я был очень расстроен. Опять

Школа. Урок труда

На природе

Монастырская площадь. Ресторан находился справа от пятиглавки

мне не повезло! Однажды, когда я рассказал о своем весьма скромном музыкальном образовании и невезении при попытке поступить в музыкальную школу моему приятелю с консерваторским образованием Вячеславу Лежаеву, он меня утешил: «Юра! Тебе не о чем сожалеть! Ты вполне состоявшийся музыкант, самостоятельно достигший и намного превосшедший средний уровень музыкальной школы».

Когда наступит светлое будущее? Наша семья получила для жилья деревенский дом и огород около поймы реки Сатис. После голодной Москвы для семьи началась благополучная и обеспеченная жизнь. Однако крестьянская натура родителей не позволила жить, как все горожане. Отец купил корову. Родители приучали нас к труду с малых лет. Отец говорил: «Труд сделал из обезьяны человека, а земля делает из человека богатыря, на плечах которого держится все человечество!». Мы с братом рано научились косить траву, пилить и колоть дрова, возделывать огород.

Никаких уличных «банд» мальчишек в городе не было. Да и вообще в городе было не принято детям шататься без дела по улицам. Мы прилежно учились, горячо любили товарища Сталина, гневно осуждали американских агрессоров и свято верили в светлое коммунистическое будущее. Однажды перед сном я спросил: «Папа, а когда настанет светлое будущее?». – «Как только посветлеет, сразу и настанет». – «А разве у нас сейчас темное настоящее?» – «Ну, вот, например, у нас сейчас ночь, а утром станет светло. Так когда-нибудь ты проснешься, а светлое будущее уже наступило». – «А потом снова будет темное настоящее?» – «Все, отставить разговоры! Спать пора!» Из «лефортовских хулиганов» мы с братом превратились в образцовых

учеников школы, активно занимались спортом и были вовлечены в различные самодеятельные кружки.

Ресторан. Наш город строился очень быстро. На «объекте» (так тогда было принято называть Саров) работала целая армия заключенных. На конференции трудовых коллективов города один рабочий выступил с критикой: «Товарищи! На улицах сплошное бескультурье: фонари светят слабо, урнов нет, чинарики бросают под ноги, на площадях нет никаких статуй. Пора открыть ресторан, чтобы трудящийся человек мог культурно проводить время». «Статуев» не поставили, но вскоре появился ресторан, для которого приспособили бывшую церковную пристройку.

Открытие ресторана намечалось к Новому году. Все делалось в спешке. По приказу высокого начальства из заключенных музыкантов был создан эстрадный оркестр под руководством Соломона Абрамовича Фридмана. В оркестре не хватало аккордеониста. Кто-то посоветовал прослушать одного мальчишку, который играет на аккордеоне в школе.

«Парнишка-лабух» в оркестре. Соломон Абрамович появился в актовом зале во время репетиции новогоднего концерта. С радушной улыбкой, обнажая полный ранжир стоматологического великолепия своих золотых зубов, он представился и буквально очаровал дифирамбами в мой адрес: «Мой юный друг! Ты замечательно играешь на аккордеоне! А “Синий платочек” знаешь? Молодец! Умничка! А “Темную ночь”? Ах, как прелестно! А вот такую песенку: “Когда простым и нежным взором”? Ну, ты просто вундеркинд!». Что такое «вундеркинд» мне было непонятно, но раз меня хвалят, значит, это хорошо. «А, быть может, ты и вот эту песенку знаешь: “Чубчик, чубчик, кучерявый”?». Соломон Абрамович был озадачен, услышав эту песню! «Откуда ты знаешь эти песенки?» – «Моя мама любила проигрывать их на патефоне». – «Замечательно, ну, просто великолепно!» Соломон Абрамович ласково погладил меня по голове: «Я таки себе думаю, “парнишка-лабух” в оркестре – это же сенсационный успех! Даже мой друг Леня Утесов до этого не додумался!». Я еще не успел осмыслить, что означает слово «лабух», как Соломон Абрамович перешел на деловой тон: «Ты будешь играть в оркестре вместе с хорошими ребятами-музыкантами на открытии ресторана в канун Нового года! В воскресенье в 10 утра приходи на репетицию в ресторан». Он, конечно, не сказал, что отсиживал свой срок за какие-то денежные махинации, а «хорошие

ребята» мотали свои сроки по разным статьям. «Хорошие ребята» – мужики в возрасте примерно около 40–50 лет относились ко мне дружелюбно и вели себя как нормальные люди. Лишь после нескольких репетиций, мне стало понятно, что все они заключенные. Но к тому времени мы уже стали друзьями.

Соломон Абрамович был значительно старше остальных музыкантов: «Ах, ребята! Если бы не зона, клянусь, вся Одесса пришла бы праздновать мой 60-летний юбилей!». Соломон Абрамович научил меня элементам аранжировки и аккомпанированию аккордами. Внешне и по темпераменту он был очень похож на знаменитого виолончелиста Ростроповича. Всегда порывистый, неугомонный, говорливый, балагур и юморист, он был прекрасным музыкантом и талантливым вралем и фантазером: «Жорик! Шо ты играешь? Боже ж ты мой! То ж песня об Одессе! Я потомственный, коренной одессит не могу слышать эту жвачку! Шо сказал бы Дуня, мой друг и земляк, услышав, как ты корячишь эту мелодию?». (Исаак Дунаевский, или «Дуня», как его звали близкие друзья, был родом из местечка Лохвицы на Полтавщине, а не из Одессы. Он не мог быть земляком Соломона Абрамовича).

«В валенках в ресторан?» И вот настал день открытия ресторана. Я надел свой выходной костюмчик, белую рубашку, повязал папин галстук и стал усердно начищать ботинки. Мама спросила: «Куда это ты собрался в таком парадном виде?». – «В рест...» Я запнулся: ведь как только прозвучит это слово, мои планы сразу рухнут. «Мам, это самое, ...у нас в школе сегодня генеральная репетиция!» – «Ну, ладно, иди. Надевай валенки, во дворе мороз 30 градусов». В валенках в ресторан? Ведь надо мной все будут смеяться. Мать была непреклонна и даже пригрозила, что не выпустит меня из дома. По пути в ресторан я досадовал: «Какой теперь из меня “вундеркинд” в валенках?».

У входа в ресторан мне преградили путь: «А ты куда?». – «На репетицию». – «Какую еще репетицию? Проваливай, а то сейчас заберем тебя и вызовем родителей!» Я был готов расплакаться: меня «аккордеониста-вундеркинда» не пускают играть в оркестре! Да у них в оркестре без меня ничего не получится!

Мимо проходят первые посетители, не обращая на меня внимания. Мороз крепчал, стало холодно. Что делать дальше? Как же так? Почему никто не подумал, что меня могут не пустить в ресторан? И тут я вспомнил повариху

тетю Валю, которая так хорошо меня угощала блинчиками в прошлый раз. У черного входа меня спросили: «Ты что здесь делаешь?». – «Мне нужна тетя Валя, повариха». Появилась тетя Валя: «Ой, это же мой хлопчик! Да ты, вижу, совсем замерз. Эй, артисты! Что ж вы мальчонку заставили мерзнуть на морозе?». Артисты встретили меня радостными приветствиями. Появился Соломон Абрамович, очень озабоченный: «Ты опоздал на полчаса! Почему ты в валенках? У тебя нет ботиночек?». – «Ботиночки есть, да мамка не позволила – мороз на дворе!» Соломон Абрамович суетливо излил на меня целый поток «охов» и «ахов». Потом спохватился: «Надо как-то найти выход из этой ситуации».

«А вундеркинд, это что, должность такая?» «Выход» из ситуации нашли. Меня посадили в оркестре позади стула со скатертью, которая закрывала валенки. Глядя на публику за столиками, я очень робел и шмыгал носом. Среди гостей были важные персоны города и учителя нашей школы. Перед началом танцев Соломон Абрамович наклонился ко мне: «Юра! Ты что так скукожился? Ну-ка, распрямись, не опускай голову. Ты ведешь мелодию. Играй громко, выразительно. Улыбайся во время исполнения. Не дрейфи! Не забывай, что ты вундеркинд». – «Соломон Абрамович, а вундеркинд, это что, должность такая?» Все рассмеялись, а Соломон Абрамович уточнил: «Нет, это не должность. Это роль, которую ты играешь в этом спектакле!». Какую роль, какой спектакль? Непонятно.

Первый танец я сыграл откровенно плохо, сбивался и выпадал из ритма. Однако Соломон Абрамович сделал вид, что все идет нормально. Постепенно я освоился, аккордеон стал звучать громче, ярче и в нужном ритме. Соломон Абрамович одобрительно кивал в мою сторону: «Юра! Сейчас мы будем играть фокстрот, ты встаешь со стула и по моей команде играешь 32 такта соло на аккордеоне». Зажигательный фокстрот очень пришелся по душе посетителям, многие из которых были уже «подшофе». Мы повторили его несколько раз. Наконец, Соломон Абрамович скомандовал: «Fine!». Все музыканты одновременно прекратили играть, а я не зная, что такое «Fine» продолжал с азартом играть соло. Оркестр снова заиграл этот фокстрот. Когда фокстрот закончился, раздались громкие аплодисменты. Во время сольного исполнения, скатерть со стула сползла на пол, а мои валенки стали объектом любопытных взглядов и веселого смеха.

«Кто тебе позволил играть в ресторане?» На следующий день в школе я собирался рассказать

Вид на поселок

Типичный дом

своим одноклассникам, как я «играл роль вундеркинда», но не успел. Меня вызвали к директору школы. Оказывается, из-за моего недостойного поступка директора вызвали «на ковер» в горком партии. Директор был мрачен и грозен. «Сухоруков! Как тебе не стыдно? Ты опозорил школу! Кто тебе позволил играть блатные песни вместе с уголовниками в ресторане? Как ты, председатель совета пионерской дружины, мог пойти на такой безответственный шаг?» Я был убит и растоптан, молчал, не зная, что ответить. «Иди, завтра приведешь родителей».

С горькими мыслями побрел в класс. Почему мне должно быть стыдно? Я что, украл, подло обманул людей? Потом меня отчитывала классная руководительница и другие учителя. В классе была мрачная атмосфера. Мои одноклассники молчали и тайно сочувствовали мне.

Отец вернулся с работы мрачнее тучи. Ему вынесли выговор на партийном собрании за «недостаточную политико-воспитательную работу с сыном». Мать подошла к проблеме по-своему: «Я вот возьму ремень и проведу “политико-воспитательную работу” ремнем по твоей заднице. После этого ты не посмеешь мне врать: “Мам, у меня сегодня репетиция!”». На следующий день в школе в экстренном выпуске стенгазеты крупными буквами было написано: «Ученик Юрий Сухоруков опозорил школу недостойным поступком. Он играл на аккордеоне в ресторане вместе с уголовниками!». Меня сняли с должности председателя совета пионерской дружины. Вот таким оказался Fine моей «роли вундеркинда».

Оркестр «уголовников» расформировали. Может быть, «парнишка-лабух» в оркестре усугубил весьма рискованное в то время решение Соломона Абрамовича «блеснуть» популярными мелодиями из репертуара Вадима Козина, Петра Лещенко и других «неугодных» исполнителей. Музыкантов отправили продолжать «мотать»

свои сроки. Это только сейчас мне понятна вся подноготная этой истории. А тогда? Ну что мог понимать мальчишка, которому так хотелось сыграть «роль вундеркинда»?

Курьез на велосипеде. Однажды отец купил нам с братом новенький блестящий немецкий велосипед «Мифа». Но предупредил: «Кататься будете, когда закончим работу с дровами». Горка наколотых дров уже стала высокой. Перерыв. Отец и брат ушли в дом пить чай. Я тайком взял велосипед с невинной мыслью немного прокатиться. Трудно описать мой восторг и вдохновение! Велосипед такой податливый и легкий на ходу! Чуть-чуть нажмешь на педаль, и он охотно и непринужденно катит вперед. Мелькают дома, тропинка ведет к дороге, дорога выводит на асфальт. И вот я уже в центре городка. Переполненный счастьем, забываю о времени.

И вот, я уже на стадионе! Оказывается сегодня городские соревнования – велосипедный кросс на 10 км. Ко мне подошел один из организаторов и нацепил на меня номер участника. Пытаюсь объяснить, что я тут ни при чем, что у меня дрова! «Какие еще дрова? Ты, что, не понимаешь? Это городские соревнования! А у тебя новый заграничный велосипед! Ну-ка, быстро в строй! Сейчас даем старт!» Перед стартом один из участников завистливо посмотрел на мой великолепный велосипед и посоветовал: «Подними седло. Оно закреплено слишком низко для твоих длинных ног». Я не знал, как это делать, да и времени уже не было. Ладно, выедем за ворота стадиона, а там я незаметно отколюсь от всей группы и поеду домой получать выволочку от отца и брата.

Однако отколоться не удалось. Я оказался в середине кучки велосипедистов, и любое движение вбок вызовет общее аварийное падение. Один из велосипедистов слегка задел мое плечо: «Раззява! Что ты вихляешь, как пьяный?». Вот, влип я в это соревнование! С досады и злости

стал изо всех сил нажимать на педали. И вот неожиданный эффект – я обогнал большую группу участников на туристских велосипедах! Далеко впереди видна лишь лидирующая группа спортсменов. Вот теперь можно улизнуть домой. Мы уже прошли более половины дистанции, скоро будет крутой подъем на центральную площадь. А там вниз с горки, и до дома рукой подать. Я уже прилично оторвался от своей группы, и теперь спокойно, без напряжения крутил педали. Но странно, впереди не видно лидирующей группы. А вот и горка в центре Сарова. В этот момент на мотоцикле меня догнал секретарь райкома комсомола Игорь: «Юра! Лидирующая группа сбилась с маршрута и сильно отстала. Слезь с велосипеда и кати его бегом в горку. Это разрешается правилами. Скоро финиш! У тебя все шансы прийти первым!». Я следую совету Игоря и еще больше отрываюсь от всех участников. О дровах я уже не думаю. Надо пройти до конца это испытание!

Наконец, я, вихляя, не спеша, пересек линию финиша, который был зафиксирован отмашкой флага. Организаторы были удивлены – в лидирующей группе были опытные спортсмены, а на финиш пришел «чайник» с неестественно низкой, явно не спортивной посадкой на дорожном велосипеде! Никто меня не поздравлял. Кто-то сказал: «Это курьез какой-то!». Меня забросали вопросами. Я сказал: «Я ничего не знаю. Мне надо домой пилить дрова!». Результаты меня несколько не волновали. К тому же меня еще и обидели. Надо же? Я еще и курьез! Через некоторое время на вечере, посвященном Дню физкультурника, меня, ученика 9 класса, чествовали как рекордсмена города по велосипедному кроссу 1949 г. и премировали наручными часами «Победа». Много лет спустя я приехал в Арзамас-16, дорогой для меня город моей ранней юности, на юбилей моего брата Альберта Сухорукова. Он привел меня на стадион и сказал: «Сейчас ты будешь удивлен!». На большом стенде «Наши чемпионы» я увидел слегка пожелтевшую фотографию с надписью: «Юрий Сухоруков, рекордсмен города по велосипедному кроссу в 1949 г.».

Сталин – наш рулевой! Династия комсомольских секретарей. В школе общественной и политико-воспитательной работе уделяли большое внимание. В 9 классе мой брат Алик стал секретарем комсомольской организации школы. Он добросовестно относился к своим обязанностям и был на хорошем счету у комсомольско-партийного начальства. Но вот беда: одна девочка

из 10 класса родила ребенка. Какой позор для школы! Девочка эта из очень высокопоставленной семьи. Она и новоиспеченный юный папаша отделались моральным порицанием. А Алику объявили выговор за недостаточную политико-воспитательную работу среди комсомольцев! На следующий год, когда я перешел в 9 класс, меня тоже избрали секретарем комсомольской организации. В школе говорили: «У нас теперь династия секретарей Сухоруковых!».

Лектор горкома партии. С целью повышения политико-воспитательной работы на предприятиях города меня назначили в группу лекторов горкома партии. Для своей первой лекции «Биография товарища Сталина» по книге Л. П. Берия я добросовестно написал подробный конспект. Гордый, оказанной мне честью проводить лекции о Сталине на различных предприятиях города, я выбрал в качестве эпиграфа абзац Ильи Эренбурга примерно такого содержания: «Буря! Волны безжалостно вздымают корабль. А товарищ Сталин твердо держит руль и ведет корабль вперед наперекор стихии и т. д.» всего на полстраницы. Я нигде не указал, что автор этого текста Илья Эренбург. Руководитель группы лекторов был болен и поэтому меня послали читать лекцию солдатам в воинскую часть без проверки моего конспекта.

Эпиграф «какого-то Эренбурга». Отклик в горкоме партии на лекцию был суровым: «Юноша хорошо изложил биографию товарища Сталина, но почему ему позволили отступать от темы и вставлять в конспект всякую ахинею из школьного сочинения?». Вышел большой конфуз! Меня вызвали в горком партии. Секретарша многозначительно сказала: «Вам к Алексею Ивановичу, первый кабинет». Алексей Иванович гневно обрушился на меня: «Кто Вам позволил вставлять всякую отсебятину в текст лекции о товарище Сталине?». – «Это не моя отсебятинна». – «А чья?» – «Илья Эренбурга». Гнев спал с лица Алексея Ивановича. Мне показалось, что он даже растерялся. Затем его лицо снова приобрело карающее начальственное выражение. «Вам была оказана честь провести лекцию о биографии товарища Сталина по книге выдающегося соратника Лаврентия Павловича Берия, а не какого-то Эренбурга!» Я тогда не мог себе представить, что сумею посрамить «какого-то» Илью Эренбурга!